

Текст · 24 января 2021, 20:59

Анна КозкинаАлла КонстантиноваАлег ЗурманМаксим ЛитавриАлександр Бородихин,

«В приемном отделении была атмосфера, как после футбольного матча: все с перевязанными головами». Свидетельства пострадавших 23 января

Виктор Липатов, Москва

49-летний юрист по гражданским делам около 15:20 уже собирался уходить с Пушкинской, когда его избили силовики. Согласно медицинскому заключению из Института скорой помощи имени Склифосовского, он получил ушибленную рану головы и перелом правой руки.

Я родом из-под Тольятти, но я живу в Москве. Голова побаливает, рука болит, сломанная. Я дома. Закрытая черепно-мозговая травма и перелом локтевого сустава предплечья, правая рука.

Я на акции был неслучайно. Я пришел на акцию совершенно осознанно за наше будущее, за право нашим детям иметь социальные лифты, за право нашим пенсионерам получать достойную пенсию, чтобы деньги с проданных наших ресурсов земных — нефти, газа, алмазов — оставались в бюджете страны. Я пришел за то, чтоб нам не повышали налоги, когда с людей сдирают три шкуры.

Виктор Липатов. Фото: Евгений Одинокоев / РИА Новости

Я буквально за два дня до этого происшествия ездил на родину в Самарскую область. Я адвокат по гражданским делам, ездил на судебный процесс. Я посмотрел, как сейчас выживают там. Зарплата 12-18 тысяч рублей. Никаких перспектив у людей нет. У меня четверо детей, и я не вижу для них будущего.

Я находился метрах в двадцати от памятника Пушкину, когда эти шакалы — простите, по-другому не могу назвать — начали бесчинствовать, нападать с дубинками на мирных людей. Я уже собирался было уйти в подземный переход, чтобы уехать на метро — потому что я не собирался участвовать в таких акциях, где идет драка, я вышел на мирную акцию — как нам преградили дорогу. Я поскользнулся, и в тот момент, когда я уже падал, мне кто-то нанес удар по голове. Я начал падать от потери сознания, еще в сознании рефлексивно выставил правую руку, чтобы удержаться — и мне по ней ударили тоже полицейской дубинкой.

В результате мне разбили голову, сломали руку, у меня пошла кровь из носа. Кто-то из ребят, кто сзади был, успел меня подхватить. Проводили вниз по лестнице к метро. Еще мне попался навстречу омоновец, я его пытался спросить: «За что вы с нами так? Мы же на мирную акцию вышли». Он говорит: «Я ничего сказать не могу».

Я пошел в полицию, где сделал заявление; полиция, спасибо ей, вызвала скорую помощь. Это был не ОВД, а опорный пункт в метро. Они, кстати, очень по-доброму отнеслись. Правда, пришел какой-то мужчина, таким ненавидящим взглядом на меня посмотрел: «Ну и куда ты поперся? Зачем ты поперся?». Я говорю: «Куда? Ты кто, эшник, что ли?». А эти достаточно трепетно отнеслись, спокойно. И меня забрали на скорой помощи.

Доктора скорой поддержали всецело. Наш врач даже сказал: «Ребята, если бы не дежурство, я бы тоже был здесь». Потом меня привезли в Склиф — там тоже была всецелая поддержка врачей. То есть все высказали мнение: это уже беспредел, дальше так жить нельзя, но что делать, никто не может понять. Никто не сказал: вы идиоты, вы ставленники Запада, вы проплаченные ублюдки, ваш Навальный предатель. Была всецелая поддержка.

Как юрист я вам скажу, что никакого действия это заявление в полицию не возымеет, поскольку лицо неизвестное — оно скрыто за балаклавой и шлемом, оно так и останется, это лицо, неизвестным. Жетонов на них не было, установить вообще никак

не получится. Но они действовали жесточайшим образом.

Мария Исаева, Москва

24-летняя активистка Либертарианской партии России, редактор соцсетей ЛПР. Получила четыре удара дубинкой на Пушкинской площади, пытаясь защитить старика от омоновцев. Медики Боткинской больницы диагностировали у нее ушибленную рану правой теменной области головы и ушиб правого лучезапястного сустава.

Мы стояли на Пушкинской площади, ближе к заграждениям, когда ОМОНу внезапно, видимо, дали приказ действовать. Вдруг очень большая толпа их пошла на нас, мы успели встать в сцепку. Было много пожилых женщин, девочек совсем хрупких — поэтому, по возможности, мы их отправляли назад. Я осталась — по сравнению с теми девушками я была, вроде, крепкая. Силовики кидались на нас в несколько приемов: они убегали, пытались кого-то схватить. У них это почти не получалось, мы вставляли максимально рядом и уклонялись от дубинок. Мы старались защищать своих — вытягивали за руку, человек по шесть, просто не давали физически вырвать из толпы.

Сначала нападали молодые пацаны, лет по 20. Они просто старались не бить женщин и стариков. А потом, со второй или третьей волны, начались такие матерые мужики, которые смотрели на нас с ненавистью. Но кто конкретно меня ударил — сложно было уследить.

После одного из таких забегов была пауза, и люди расцепили руки. Передо мной оказался хиленький дедок, я попыталась быстро его за свою линию сцепки отогнать и как раз повернулась — мне пришелся удар по голове. На меня пришлось четыре удара: три на то место, где рассечение, и один на другую сторону, там просто ушиб. Мне казалось, все было нормально, пока у меня по лицу не потекла кровь.

Мария Исаева. Фото: предоставлено героиней

Меня отправили тогда назад к памятнику, нашлись ребята, у которых с собой были бинт и перекись. Они вывели меня из толпы, сразу все промыли, сделали перевязку и вызвали мне скорую. И мы очень долго сидели в машине — медики звонили и узнавали, в какую больницу им ехать, у них там какое-то распределение. Полчаса где-то сидели и ждали девушку из скорой, которая пыталась дозвониться.

Уже в больнице мне сделали томографию — выяснилось, что у меня нет сотрясения, нет черепно-мозговой травмы. Но, как они сказали, у меня четыре сантиметра рассечение кожи — до черепа. Мне это все зашивали, теперь мне неделю пить антибиотики и промывать [рану], прежде чем снять швы.

У меня было ощущение, когда начались^[1] предварительные задержания, что будут события, похожие на Минск. Поэтому с утра я боялась, что могу не вернуться, если начнется такая же жесть. Всего лишь рана на голове — это хорошо, тем более, что в такие моменты становится понятно, кто хороший человек. Потому что протестующие, увидев эту рану, не разошлись и не испугались, что с ними может тоже что-то такое случиться. Люди, которые мне помогли, тоже потом не ушли, а вернулись на митинг.

Андрей Горб, Москва

24-летний выпускник МГЮА имени Кутафина поскользнулся и упал перед цепочкой силовиков на Страстном бульваре. В это время сверху кто-то ударил его дубинкой по голове. В ГКБ №1 имени Пирогова у него задокументировали ушибленную рану волосистой части головы.

Все хорошо, я сейчас нахожусь дома, самочувствие удовлетворительное. Голова в месте рассечения болит, но так в целом все нормально.

Я пошел на митинг, чтобы высказать свою гражданскую позицию по поводу того, что происходит. Мы встретились в центре Москвы с

ребятами и пошли в сторону Пушкинской площади. Мы туда пришли, когда еще люди стояли на площади, их еще не вытеснили к Сретенке. Сначала проходило все довольно мирно — мы стояли недалеко от сотрудников ОМОНа, которые были в оцеплении. Когда они выдавливали [демонстрантов] с площади, никакого насилия не было. Там немного правее, я так понимаю, точечные задержания людей из толпы проводили, а с нашей стороны были сотрудники ОМОНа нас не трогали.

А потом, когда уже всех вытеснили с площади, и все вышли на дорогу на Сретенку^[2], получилось, что толпа развернулась, я оказался спереди толпы, и она меня понесла, и я уже не мог назад отойти. Соответственно, когда все подошли к этому перекрестку^[3], я был в первых рядах, и там стояло оцепление. Сзади толпа напирала, и спереди было оцепление. Сначала мы стояли просто минут десять, а потом справа раздался какой-то хлопок, и сзади толпа поперла. Я поскользнулся, упал на попу и, когда я лежал, сверху меня ударили дубинкой по голове. Я как-то встал, сначала не понял...

Я так понимаю, что это был кто-то из сотрудников полиции или Росгвардии, которые стояли передо мной в оцеплении. Я не могу вам сказать, кто именно ударял, потому что удар пришелся сверху, когда я лежал. Голову я поднять не мог, но я видел, что впереди находились сотрудники, и больше никого не было.

Андрей Горб. Фото: предоставлено героем

Это был один удар. После этого либо толпа расступилась, либо что-то еще произошло, но я уже вышел за сторону оцепления, перешел этот перекресток.

Наверное, было какое-то шоковое состояние, не знаю. Я встал нормально, смог какое-то количество времени пройти сам, а потом меня люди подхватили за руки и довели, чтобы посадить на бордюр. Там мне оказали

какую-то первую помощь — посмотрели, перевязали. Очень много крови было, есть видеозапись, как меня вели, там прям целая лужа огромная.

Я был с друзьями, они немного позади меня стояли. Они, наверное, момент самого удара не видели, но вот мужчина, который все это снимал, потом со мной связался и сказал, что если потребуется, он сможет это подтвердить как свидетель. Этот мужчина как раз, который все снимал, он меня к скорой помощи проводил. Когда пришли мои друзья, он обменялся с ними контактами, скинул им видео, а потом со мной связался.

Что меня в шок повергло — это количество крови. Я подумал, что, наверное, это очень серьезная травма будет. Ну и да, слабость... Слабость в ногах, головокружение — ощущения не из самых приятных. Но в обморок я не падал.

По поводу медпомощи... У меня взяли мои паспортные данные, все записали и сказали, что они будут передавать их в полицию, что по практике, когда люди попадают в больницу с митингов, их данные высылают в МВД, а после этого им приходят административные штрафы за участие в несанкционированных митингах.

Сейчас мне надо два раза в неделю посещать районную травматологию, чтобы мне делали перевязки и обрабатывали рану. Выписали антибиотики, двух- или трехнедельный больничный и сказали ходить в травмпункт по мере обследования снимать швы.

Это был точно удар дубинкой.

Задержания в Москве. Фото: Alexander Zemlianichenko / AP

Дмитрий Хорев (имя и фамилия изменены), Москва

17-летнему студенту ушибленную рану волосистой части головы диагностировали в детской городской клинической больнице №13 имени Филатова. После того, как омоновец ударил его дубинкой, первую помощь юноше оказали протестующие на Страстном бульваре.

Пошел на митинг я один. Я пошел не с целью выступить против каких-то конкретных личностей или в поддержку конкретных политиков — я выступал против коррупции и беззакония, которые у нас в стране. Если вопросы есть по поводу Навального, то если бы на месте Навального был какой-то другой человек, который попал в такую же ситуацию, я бы так же выступил в его поддержку.

Я стоял в первых рядах сначала с одной, потом с другой стороны от ОМОНа.

Когда люди начали идти^[4] в сторону Цветного бульвара, ОМОН оцепил часть народа и не давал людям дальше пройти. Я стоял в первых рядах, люди сцепились, чтобы ОМОН кого-то не вырвал из толпы, мы просили, чтобы они дали нам дальше пройти, после чего была первая стычка. Есть где-то видео: мы стояли в первых рядах, парень^[5] споткнулся, толпа подалась вперед — и несколько омоновцев это восприняли как нападение и начали атаковать. После такого началась суeta, цепочка ОМОНа разорвалась, и часть народа перебежала на другую сторону. Получается, была цепочка людей с одной стороны, посредине ОМОН и цепочка людей сзади. Люди все больше подходили, и в этот момент началась массовая давка: первые ряды начали сближаться, и ОМОНу ничего не оставалось — они начали нападать, бить дубинками.

Рядом с омоновцем лежала стеклянная бутылка разбитая, он взял ее и кинул в нашу сторону. Бутылка пролетела слева от меня, это вот очень сильно отразилось на поведении людей, они были озлоблены.

В сцепке ты мало того, что никого не ударишь — у тебя руки заняты, ты держишь других людей — но еще и сложно защититься. Парень с правой стороны от меня смог голову прикрыть, но ему палец сломали или выбили — дубинкой прилетело по рукам.

Мне повезло чуть меньше — мне прилетело по голове. Началась давка, и омоновец налетел, ударил меня сверху по голове резиновой дубинкой. Меня подкосило, я упал, и люди, которые рядом со мной

были, меня подняли, оттащили назад. Мне еще очень сильно повезло, там у какой-то девочки салфетки были, у другого человека бинты — меня быстро перевязали, обработали рану, я вернулся опять, попытался поддержать народ. Потому что в такой ситуации, когда на твоих глазах бьют народ, бьют людей рядом с тобой, когда бьют тебя, единственное что у тебя в голове — как-то защитить тех, кто рядом, и защититься самому. Это единственное, о чем ты думаешь — о защите.

Очень многим людям прилетело дубинкой. В начале самом омоновец проходил мимо и бил всех дубинкой по ногам. А там не получается отойти, потому что позади тебя еще стоят люди. Поэтому ты пытаешься подставить ногу, как-то блокировать [удар] ногой. Один из омоновцев, который стоял напротив меня, стучал рукой по дубинке и говорил: «Вам пипец», матом только.

Люди брали с собой бинты, аптечку, перекись. Когда я двинулся в сторону Цветного бульвара, ко мне подошла еще раз какая-то девочка, еще раз меня перевязала. То есть меня дважды перевязывали, получается, перед тем как я попал в больницу.

Крови — да, очень много у меня было. В больнице мы с медиками разговаривали, я говорю: «Ну а что еще остается, у людей нет никакого выхода, в стране творится беззаконие».

Омоновцев было^[6] человек 15. Они боялись — это по их поведению было видно. Со стороны протестующих были люди, которые плевались в их сторону. Если

ты против беззакония, против того, чтобы органы превышали свои полномочия, то и ты как гражданин не должен позволять себе такое. Нужно понимать, что они такие же люди, как и мы, и им дали приказ.

Я сейчас дома нахожусь, чувствую себя хорошо, все отлично.

Василий Суров

21-летнего студента, подрабатывающего в IT-индустрии, задержали на Пушкинской и ударили головой об стенку автозака. Когда в ОВД «Зюзино» к молодому человеку приехала скорая, полицейские заставили врачей ждать около полутора часов. В ГКБ имени Пирогова у Василия диагностировали открытую рану века и окологлазничной области, ссадину брови и гематому век левого глаза.

Я видел расследование, мне импонирует сам Навальный и многие его поступки. Не сказать, что я его абсолютно поддерживаю, но то, что он вернулся обратно в Россию после отравления, хотя на него завели несколько уголовных дел — это как минимум заслуживает уважения. Ну и плюс я против такого понятия, как политические заключенные.

Василий Суров. Фото: предоставлено героем

На Пушкинскую мы с двумя знакомыми пришли, наверно, в 13:30. Все было нормально, цивильно, но тогда уже были задержания. Буквально каждые две-три минуты мимо нас проходили отряды полиции с задержанными и несли их в автозаки.

Народу становилось больше и больше. В какой-то момент перед нами встала девушка с плакатом; не помню, что на нем было написано. Полицейские

пошли ее задерживать, я оказался сзади рядом и как-то абсолютно случайно тоже попался им под руку.

Это было возле автозаков, метрах в 40-50. Меня схватили за руки и за ноги, толпа начала обратно тянуть, но я уже был в потоке дальнейших событий и понимал, что вырваться бесполезно, еще и припишут сопротивление сотрудникам. В итоге меня принесли к автозакам, положили на землю, подняли и поставили в растяжку. Мне сказали снимать рюкзак. Я — ну, так как эмоции: недалеко был громкоговоритель, толпа кричит — сначала не очень сообразил, а они взяли и ударили меня головой об автозак.

После этого они опять потребовали снять сумку, посмотрели ее и затащили меня в автозак. После удара у меня было рассечение или ссадина, как это в медицинских терминах, века и брови. Также сломали мне очки этим ударом. Внутри я начал спрашивать, идет ли у меня кровь — люди это подтвердили.

Я думал, это что-то не особо серьезное, засохнет и заживет. Но получилось так, что кровотечение не прекратилось, даже когда мы приехали в ОВД «Зюзино». Я попросил оказать мне первую медпомощь, они принесли салфетки, перекись, пластыри, и я думал, что это не особо что-то серьезное. Обработал себя, заклеил, но потом кровотечение продолжилось, и пришлось вызывать скорую.

В общей сложности скорая меня прождала около полутора часов, потому что мне не давали документы

и не могли меня оформить: они поймали какого-то несовершеннолетнего, и из-за этого там вообще все встало. Они никого не могли оформить, а у меня продолжалось кровотечение.

Привезли нас в ОВД в районе 15:00–15:30, а вышел я и сел в скорую ближе к семи вечера. Протокол составили по участию в несанкционированной акции, там статья 20.2, пункт 5^[7], по-моему. На скорой меня увезли в больницу — санитары скорой предполагали, что надо будет накладывать швы. Но офтальмолог в больнице сказал, что швы не нужны, и я там в итоге еще много времени провел, чтобы снять побои. В итоге я из больницы вышел часов в двенадцать.

Анастасия Афанасьева, Петербург

При задержании 19-летней активистке повредили обе руки и отказывались отпускать из отдела полиции, пока она не подпишет протокол. Травматолог зафиксировал у нее ушибленную рану IV пальца правой кисти и ссадину левого запястья; на рану пришлось накладывать швы.

Меня задержали за одиночное пикетирование на Сенатской площади. На Сенатской площади я стояла с левой стороны от Всадника^[8], стояла с плакатом, на котором был написан текст «Гражданской обороны»: «Пока мы существуем — будет злой гололед/И майор поскользнется, майор упадет/Ведь мы — лед под ногами майора».

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

При задержании мне рассекли правую руку и повредили левую, синяки на теле. Это было около 15:00. Полицейский, который меня задержал и тащил в автозак, угрожал мне сломать руку. Я говорила, что мне больно. Фактически он мог вообще не трогать мою руку, которая и так была повреждена, но он начал еще сильнее давить после того, как я сказала, что мне больно — сказал: «Я ее сейчас ***** [к черту] сломаю».

Когда меня загрузили в автозак, я заметила, что у меня идет кровь. Очень много было крови, весь пол был в крови. Я попросила хотя бы салфетку и воду, мне сказали, чтобы я вообще типа завалилась. Сотрудников было очень много: двое или трое стояли снаружи, трое плюс водитель — внутри. Другие задержанные мне помогли, дали воды, салфетку. Среди задержанных был несовершеннолетний. Я отказывалась свои документы давать, так как мне сами полицейские не предоставили свои документы, и вообще при задержании они сказали, что меня задерживают, потому что у нас одиночные пикеты запрещены. Я им указала, что нет такой статьи. Из-за этого они, видимо, разозлились и так жестко [меня] задержали.

На площади к этому моменту уже почти никого не было, все ушли в сторону Дворцовой, как я поняла. У нас правила одиночного пикета предполагают, что рядом не должно быть людей. Собственно, у меня есть видео, которое подтверждает, что рядом людей не было. Но почему-то в протоколе написали, что я участвовала в митинге, где было 300+ человек. Протокол составили по статье 8.6.1 КоАП Петербурга-

[9], ее всем дают, кто участвует в митинге. Я написала, что не согласна с протоколом.

Полицейские отказывались оказать мне медицинскую помощь, пока меня не доставили в отдел. Спустя, получается, только два часа я получила медицинскую помощь. Руку [еще в автозаке] мне полили перекисью [водорода], кровь остановилась на время, потом опять шла. Потом уже врач сказал, что нужно зашивать, но сотрудники полиции, видимо, попросили его оставить меня в отделе, пока я не подпишу все. После отделения мне пришлось ехать в травмпункт и зашивать руку, потому что у меня кровь шла.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

В отделении полиции меня фотографировали как минимум три разных человека на личные мобильные телефоны без разрешения. Почему фотографировали, я не знаю. Я прикрывалась, как могла, но мне сказали, что сейчас в изолятор уведут, если я буду дальше сопротивляться.

То, что со мной произошло — это абсолютные мелочи по сравнению с тем, что произошло с другими людьми. Поведение сотрудников что полиции, что ОМОН, что Росгвардии — оно абсолютно безнаказанное и неадекватное. Я раньше верила, что это их работа, что они просто выполняют приказ — сейчас я в это не верю. Они с такой остервенелостью в глазах избивают людей... У них приказ — задержать, правильно? Зачем намеренно

делать больно? Очевидно, что у многих из них садистские наклонности, и эти люди совершенно безнаказанны.

Игорь Ранделиа, Москва

33-летний кавист и сомелье при задержании на Пушкинской потерял сознание от удара по голове и пришел в себя, когда силовики били его руками и ногами. Доставлен скорой в Институт Склифосовского, в справке указано: множественные ушибы лба.

Мы приехали туда^[10] с другом поснимать, посмотреть и ради массовости. Мы вышли за себя, за свои права, чтобы нас услышали, нас увидели. Также приехали моя мама с братом, но они успели вовремя убежать.

Я стоял в первых рядах, когда омоновцы или Росгвардия — в общем, ребята в шлемах — начали на девчонку кидаться. Мы успели девчонку убрать подальше от дубинок в задние ряды и встали в стенку, держась за руки, и моя фраза в итоге, похоже, вынудила омоновцев выдернуть меня из толпы. Я сказал: «Какого фига пенсионеры и ветераны едят из помоек! Ты за это сражаешься?». После этой фразы меня выдергивают из первого ряда и тащат к автозаку. Я теряю сознание — как выяснилось, от удара по голове дубинкой. Очухиваюсь от того, что меня приводят в сознание ударами руками и ногами по голове. Я прихожу в себя, и меня закидывают в автозак.

Я был первым в автозаке, сидел там часа три. Мы еще шутили с ребятами, которых закидывали следом, что

пока маршрутка не наберется, мы не поедem. Было человек 30, дышать было нечем. Постоянно работал двигатель, воняло бензином, людям становилось плохо. В автозаке сидели девчонки, восьмой-девятый класс — мы просили, чтобы хотя бы их выпустили. Но они все равно там сидели.

Игорь Ранделиа. Фото: предоставлено героем

Потом вечером мы поехали в УВД по Марьиной роще. Нас по одному выпускали, мы заходили в кабинет. Ребята, которые там сидели, попросили вызвать скорую. Крови не было. Но была такая шишка, как в мультике «Том и Джерри». Приехала бригада, но меня все равно не выпускали. Медики ждали полтора часа, пока я заполнял какие-то бумажки, полицейские врачей в отделение ко мне не пускали. Мне еще из-за этого обидно, понимаете — скорая могла кому-то помочь в это время, съездить на вызов, а вместо этого стояли и ждали меня одного, пока я бумажки все подпишу. В итоге из всех, кого вместе со мной

задержали, скорая забрала меня одного, потому что у меня была самая серьезная травма.

Меня отвезли в приемное отделение НИИ скорой помощи Склифосовского. В больнице я сделал КТ, и, что самое удивительное, мне в заключении врачи написали: «Избит неизвестными на митинге». Там в приемном отделении была атмосфера, как после фанатского футбольного матча: все с перевязанными головами, и все после митинга.

В больнице я провел часа два, может чуть больше, потом добрался домой на такси. По какой именно статье полицейские составили на меня протокол, я не помню. Мне на руки ничего не дали, никакой копии. От дачи показаний я отказался.

Я больше вышел не за Навального даже. Буду откровенным, многие пункты в его президентской программе, когда он баллотировался, меня не устраивают. Я вышел за себя, за свой дом, за свою родину. Мне обидно, сейчас страну просто разворовывают. Уже чаша переполнена, грубо говоря.

До того, как меня в автозак посадили, мы все стояли руки за спину, никого не провоцировали, просто высказывали свое мнение и спрашивали, за что борются омоновцы. А в итоге нас начали бить дубинами.

Понимаете, с одной стороны ребята приказ выполняют. Если бы сейчас у власти стоял, допустим, Навальный, и у него была бы такая Росгвардия, то она так же выполняла бы приказ — это правильно.

Ребята молодцы, не слушают никого, идут тараном со стеклянными глазами.

Но когда происходит беспредел, когда у этих росгвардейцев включается какой-то животный инстинкт бить девчонок по голове — это уже ни в какие рамки не лезет. Вас много, вы просто можете взять и отвести под руки, но бить-то зачем?

«Медиазона» благодарит «Комитет против пыток» за содействие в подготовке текста.

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. 22 января накануне акций за освобождение Навального.
 2. Четная сторона Страстного бульвара.
 3. Страстного бульвара и Большой Дмитровки.
 4. С Пушкинской площади.
 5. Скорее всего, это был Андрей Горб.
 6. На углу Страстного бульвара и Дмитровки.
 7. Нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.
 8. Медный всадник, конная статуя Петра I.
 9. Нарушение требований нормативных правовых актов правительства Санкт-Петербурга, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории Санкт-Петербурга, максимальный штраф для обычных граждан — 4 тысячи рублей.
 10. На Пушкинскую площадь.